

В.П.Казаков

Эстебан Эчеверриа: национальная идентичность и поиски социальных основ аргентинской нации

В статье рассматриваются взгляды аргентинского мыслителя, поэта и политического деятеля, лидера «Поколения 1837 г.» Эстебана Эчеверриа. Согласно его позиции, главным препятствием для прогрессивного развития Аргентины являлась колониальная структура — наследство, оставленное Испанией в экономике, политике и культуре. Основной причиной ее сохранения Эчеверриа считал незавершенность Майской революции 1810 г., в результате которой была завоевана независимость, но не свобода, что привело к анархии, гражданским войнам и установлению диктатуры Хуана Мануэля Росаса. Суть мер, которые предлагал Эчеверриа, заключались в создании теории ассоциации. Взяв за образец «Молодую Италию», Эчеверриа и его друзья основали организацию «Молодая Аргентина» (впоследствии переименованную в «Майскую ассоциацию») и вели пропаганду идей Майской революции с целью установления в стране демократии не только в политической, но и во всех других сферах жизни — в семейных отношениях, в отношениях собственности, в экономике, в распределении богатства и налогов, в организации милиции, в иерархии способностей. Свои воззрения относительно будущего Аргентины Эчеверриа изложил в труде «Социалистическая догма».

Ключевые слова: Эчеверриа, Майская ассоциация, «Социалистическая догма», Аргентина, демократия, Майская революция.

DOI: 10.31857/S0044748X0012280-7

Статья поступила в редакцию 06.07.2020.

После победы в Войне за независимость народу Аргентины предстояло пройти сложный этап самоидентификации, создания собственных литературы и искусства и, в конечном итоге, утвердить себя в качестве самостоятельной нации, а также сформулировать в качестве таковой основные цели.

Владимир Петрович Казаков — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (РФ, 119334, Москва, Ленинский проспект, 32 а, nik3334@yandex.ru).

Политика ускоренной модернизации, проводившаяся либералами-унитариями во главе с первым президентом Аргентины Бернардино Ривадавией (1826—1827 гг.) оказалась неэффективной. Падение Ривадавии открыло путь к торжеству консерваторов-федералистов и установлению диктатуры Хуана Мануэля Росаса (1835—1852 гг.). В отличие от либералов-унитариев, стремившихся «европеизировать» Аргентину, Росас и идеолог диктатуры Педро де Анхелис выступали за укрепление «традиционных» общественных устоев. Они, как и другие консерваторы, избрали в качестве национальной основы ценности испанского наследия. Консерваторы преуменьшали значение Майской революции 1810 г., положившей начало освобождению Аргентины от колониального гнета, которая, по их словам, не была направлена против власти испанской короны, и лишь непонимание этого метрополией привело к провозглашению независимости. Идеи и реформы унитариев осуждались как чуждые иностранные заимствования.

Консервативная идеология не завоевала ведущих позиций в общественной мысли. В борьбе с ней появилось «Поколение 1837 г.» — общественно-политическое движение интеллигенции, посвятившей себя борьбе за социальное и духовное обновление страны. Одним из его вождей стал мыслитель, поэт и общественный деятель Эстебан Эчеверриа (1805—1851 гг.).

В романтизме, с которым Эчеверриа познакомился в годы учебы в Париже (1826—1830 гг.), он нашел адекватное выражение овладевших им мыслей и чувств, что отразилось не только в его поэзии, но и в общественно-политических взглядах. По возвращении в Аргентину Эчеверриа получил известность как автор ряда романтических поэм, став основоположником аргентинского романтизма. Наряду с литературными занятиями Эчеверриа разрабатывал систему философских, социально-политических и эстетических взглядов, которые легли в основу его концепции создания аргентинской нации. Конспективно он их сформулировал в 1837 г. в «Вводной речи при открытии литературного салона». Салон являлся дискуссионным клубом интеллигенции Буэнос-Айреса. После прекращения его деятельности из-за преследований властей Эчеверриа в 1838 г. создает тайное общество «Ассоциация молодого поколения аргентинцев», или «Молодая Аргентина» по образцу основанного героем итальянского национально-освободительного движения Джузеппе Мадзини в 1831 г. «Молодой Италии» и в 1834 г. «Молодой Европы».

В качестве программного документа был принят написанный Эчеверрией «Кодекс, или Декларация принципов, составляющих социальное кредо Аргентинской республики». В 1840 г. после неудавшегося восстания против Росаса Эчеверриа, как и другие члены ассоциации, был вынужден покинуть Аргентину и эмигрировать в Уругвай, где в 1846 г. переиздал отредактированный «Кодекс» под новым названием «Социалистическая догма». Отечественным читателям это произведение известно под названием «Социалистическое учение Майской ассоциации» [1]. Тогда же была воссоздана и разгромленная Росасом организация под названием «Майская ассоциация».

Проблемы национальной самобытности, поиски собственного способа бытия, практические планы реформ для достижения этого стали ключевы-

ми в творчестве Эчеверриа. Он был первым аргентинским мыслителем, который исторически подходил к рассмотрению общественных явлений в соответствии с «законом места и времени». Он искал способ бытия Аргентины и основу для создания соответствующего ее сущности порядка во внимательном и непредвзятом изучении национальной истории. По его мнению, прежде всего нужно было покончить с испанским наследием, которое рассматривалось им как главное препятствие на пути прогресса, модернизации и создания цивилизованного общества. «Социальной эмансипации Америки, — писал он, — можно достигнуть, только отвергнув то наследство, которое оставила нам Испания, и сосредоточив всю силу наших способностей на создании американского социального облика». Социальный облик народа, по мнению Эчеверриа, состоит из всех элементов цивилизации — политического, философского, религиозного, научного, художественного и промышленного [1, с. 74].

Стремление к духовной независимости несло за собой риск лишь перемены центра довлеющего культурного воздействия. Эчеверриа стремился этого избежать. Он постоянно подчеркивал, что для Аргентины неприемлемыми являются не сами идеи европейской цивилизации, а автоматическое перенесение их на местную почву. Именно в этом он обвинял унитариев, когда писал: «Унитарии не рассматривали социальную систему с национальной или аргентинской точки зрения. Они искали идеал, который видели в Европе или европейских книгах, а не идеал, который является результатом гармоничной и нормальной деятельности аргентинцев» [2, р. 304].

По мнению Эчеверриа, «знать, чем мы являемся», означало путем исследования постичь условия, в которых живут аргентинцы. Исходить из того «что мы есть», значило знать потребности граждан Аргентины, а величие политика, с точки зрения Эчеверриа, состояло в том, чтобы понимать суть этих потребностей и способствовать их удовлетворению. С подобных позиций мыслитель подходил к достижениям мировой цивилизации: отвергнуть слепое подражание ей и перенять то, что полезно для страны.

При написании «Социалистической догмы» Эчеверриа преследовал главную цель — открыть основные особенности Аргентины, чтобы поставить научный диагноз ее состоянию и найти средства для устранения недостатков. Эти средства заключались в социальных преобразованиях. Но, прежде чем их осуществить, необходимо было разработать теорию — синтетическую доктрину, которая бы включала в себя «прошлое, нынешнее и будущее существование аргентинского общества». Это предполагало знание законов социальной эволюции, а также просвещение масс, чтобы поднять их сознание до понимания этих законов. Эчеверриа писал П.де Анхелису: «В наше время не имеет авторитета и ценности доктрина, которая не основывается одновременно на науке и на истории страны, где она пропагандируется... и которая не находится с наукой на высоте мировой цивилизации, а с историей на высоте потребностей страны» [2, р. 315].

Эчеверриа оценивал идеи с точки зрения их практического осуществления в Аргентине. В своем первом выступлении перед членами «Молодой Аргентины» он заявил: «Мне скажут, что Кодекс содержит отсталые доктрины. Я отвечу, что наш прогресс не идентичен европейскому прогрессу и

что настоящий прогресс состоит в том, чтобы он был пригодным и нормальным, а не в том, чтобы быть непригодным и неосуществимым. Мне возражат, что в Кодексе не содержатся все прогрессивные идеи, я отвечу, что в нем содержатся все пригодные» [2, р. 32].

По убеждению Эчеверрии, сами идеи и последующие социальные изменения должны основываться на принципах Майской революции. Под революцией он понимал полную ликвидацию колониальных порядков и стремился к тотальному обновлению страны, к революции во всех сферах общественной жизни. Вместе с тем, по его мнению, страна не созрела для материальной революции, которая «вместо того, чтобы дать нам родину, принесла бы реставрацию... или анархию и новых каудильо» [2, р. 157].

Эчеверриа предлагал просветить законодателя и народ. Законодатель не может быть подготовлен, если не подготовлен народ. Для подготовки народа и законодателя необходимо, прежде всего, разработать материал закона, иными словами, распространить идеи, которые овладеют законодателем и воплотятся в закон, чтобы затем войти в общественное сознание. Другими словами, просветить разум народа и законодателя, прежде чем приступить к созданию нации. Для этого необходима моральная революция, которая позволит аргентинцам обрести национальное сознание. Разрыв с Испанией был первым шагом на этом пути. Однако революция осталась незавершенной. Для Эчеверрии победа революции — «это победа новой и прогрессивной идеи». Но эта победа не стала полной. «Мы независимы, но не свободны. Испания больше не угнетает нас, но ее традиции тяготеют над нами» [1, с. 73]. В чем, по мнению Эчеверрии, должно состоять национальное сознание как не в том, чтобы освободиться от всех форм колониализма, которые скрывались за видимостью независимости и мнимым благополучием. Речь идет о создании единой нации с общей территорией, языком, сознанием, культурой, экономикой.

Необычный характер процесса формирования аргентинской нации заключалась в том, что она утверждалась в два этапа: сначала — в вооруженной борьбе с Испанией, а затем в идейной борьбе с социальным порядком, унаследованным от метрополии. Эчеверриа ясно указывал на оригинальность национального сознания аргентинцев. Оно не ограничивалось, как в случае с «Молодой Европой», борьбой за независимость против иностранного господства. Аргентинский случай обязывал к сопротивлению иному типу порабощения — духовному. Оно возникло в результате задержки подлинной независимости. В этом и заключался смысл фразы мыслителя: «Мы независимы, но не свободны». Это была борьба двух цивилизаций — революционной и контрреволюционной. Последняя сохранялась в экономике, в идеях, обычаях «старого рабства». Она породила диктатуру Росаса, «замешательство в головах».

Национальное самосознание имело особое значение в мировоззрении Эчеверрии. Оно было призвано сыграть революционную роль в установлении новой цивилизации. Но оно не носило захватнического характера, не призывало к господству над другими народами и отвергало как национальную ксенофобию, так и бездушный космополитизм.

Эчеверриа стремился соединить две главные идеи эпохи — идею родины и идею человечества — таким образом, чтобы прогрессивное развитие

нации шло в согласии с прогрессивным развитием человечества. Это положение он прямо заимствовал у «Молодой Европы», как и особую миссию каждого народа, призванную содействовать реализации общей миссии человечества. Для того, чтобы выполнить особую миссию, которая есть у каждого народа, нужно, чтобы он поднялся до уровня нации, то есть обрел гражданское сознание и активно участвовал в прогрессивном развитии человечества.

Особая миссия народа не подразумевала национальной исключительности, а являлась условием национального развития, поскольку национальность может сформироваться только в общении с другими народами. Эта миссия — не право, а долг, который возложен Богом на каждый народ в делах человечества, но он может исполняться только свободными и равными народами, каждый из которых обладает национальным сознанием.

Национальное сознание само по себе является необходимым чувством национального единства. Оно заявляет о себе как сознание всех аргентинцев. Это имел в виду Эчеверриа, когда говорил о необходимости преодолеть колониальное наследие: «Абсурдно быть испанцем в литературе и американцем в политике» [2, р. 139].

Национальному сознанию внутренне присуще чувство родины. Оно развивается вместе с превращением в родину обширной и практически незаселенной страны, какой была Аргентина во времена Эчеверрии. До Майской революции у аргентинцев не было родины, поскольку «родина — это не только земля, где мы родились, но также свободное и самое полное осуществление наших возможностей и самое полное пользование гражданскими правами. У нас нет родины; только гражданин имеет родину; она дана ему законом» [1, с. 42]

По убеждению Эчеверрии, аргентинская нация могла существовать только в условиях демократии. «Демократия — это режим, необходимый нам и единственно возможный у нас» [1, с. 48]. Демократия обеспечит всем удовлетворение их естественных прав и применение их способностей. «Наша исходная точка и наша цель, — писал философ, — демократия» [1, с. 90]. Для Эчеверрии демократия — это принцип социальной организации аргентинской нации, механизм для обеспечения равенства и свободы.

Вслед за Алексисом де Токвилем Эчеверриа утверждал, что общественное развитие постепенно идет к равенству классов, т.е. к демократии. В представлении аргентинского мыслителя общество разделено на классы, а демократия — это «режим, основанный на свободе и равенстве классов» [1, с. 77]. Равенство классов включает личную, гражданскую и политическую свободы. Для Эчеверрии демократия — традиция, принцип и институт. Демократия как традиция — это «Май», непрерывный прогресс. Демократия как принцип — братство, равенство и свобода. Демократия как институт — это голосование и представительство в муниципальном округе, департаменте, провинции и республике [2, р. 163].

К идее организации страны на демократической основе Эчеверриа пришел на основе изучения наследия Майской революции. В ходе революции «были намечены вечные принципы, вошедшие в кодекс всех свободных народов!» [1, сс. 66–67]. Но эта программа превратилась в «абстракции, недоступные общему пониманию» [1, с. 67]. Таким образом, одним из результатов Майской революции стали традиция и догма, т.е. демократия.

Провозглашенные революцией цели — свобода, равенство и братство — соответствовали пониманию Эчеверрии демократии как принципа социального устройства общества. Вследствие этого провозглашенный ею же закон прогресса — «единственный и неизменный для аргентинского общества» [2, р. 303].

Только демократия способна направить развитие аргентинского общества по мирному пути истинного прогресса. «Так как существует только один способ бытия, один образ жизни аргентинского народа, то существует только одно адекватное решение всех наших вопросов — мирное и нормальное развитие аргентинской демократии, ее осуществление в различных областях с тем, чтобы со временем установилась аргентинская демократия со своим особенным характером» [2, р. 114]. В демократии Эчеверриа искал и находил способ национального бытия, который позволял обрести родину, о которой, по его словам, «врал Росас, не ту, которая была в прошлом, а родину, обещанную Майской революцией... когда прозвучал горн освобождения от Испании» [2, р. 166].

Основу для построения демократии Эчеверриа видел в местных традициях. Он считал, что демократия уже существует в зародыше в аргентинском обществе, в привычках и обычаях народа, под которым он понимал «чувство равенства и свободы». Говоря об этом глубоко укоренившемся в народе чувстве, «которое нуждается лишь в том, чтобы его правильно направить», он имел в виду жителей аргентинской пампы — гаучо [2, р. 312]. Демократическая «всеобщность», о которой писал аргентинский мыслитель, должна охватить все сферы общественной жизни. Демократия не совместима с порядками, основанными на классовом неравенстве. Необходимо устранить все сословные преграды и иерархии. «В демократическом обществе должна существовать только одна иерархия — та, которая берет свое начало в природе». «Демократия говорит нам... что последний из плебеев является человеком, равным в правах остальным» [1, с. 33].

Но Эчеверриа выступал не только за правовое, но и за фактическое равенство. «Нет равенства, где господствует класс богатых и где он пользуется большими правами, чем другие классы» [1, с. 71]. Его концепция демократии расходилась с идеями классического либерализма, так как вмещала в обязанность обществу и государству защиту неимущих и помощь им. «Общественная власть аморальна и не соответствует своим целям, если она не защищает слабых, бедных и нуждающихся, т.е. если она не использует средства, представленные ему обществом, чтобы обеспечить равенство» [1, с. 52]. «Общество протянет руку бедным и обездоленным, оно будет стремиться поднять класс пролетариев до уровня других классов, освобождая сначала их тело, чтобы впоследствии освободить их разум» [1, с. 53].

В определении равенства Эчеверриа следовал за французским утопистом Анри Сен-Симоном. «Решение проблемы равенства заложено в принципе «от каждого по способностям, каждому — по делам» [1, с. 80]. Этот принцип Эчеверриа распространял на все стороны общественной жизни, используя в качестве критерия оценки значения времени, людей и событий и называя его экономической формулой Сен-Симона [2, р. 284]. Вместе с тем аргентинскому философу было чуждо стремление к имущественному равенству и нивелированию всех людей. Он не выступал за коллективную

собственность и социализм. Он хотел, чтобы в аргентинском обществе были ликвидированы крайности классового неравенства.

В советской историографии получил распространение взгляд на Эчеверриа как на первого в Аргентине социалиста-утописта [3, 4, 5, 6]. В современной историографии наблюдается отход от столь жесткого определения. Марина Эдгардовна Макаревич характеризует его мировоззрение как «сложный сплав либеральных, социалистических и демократических идей» [7, с. 27]. Андрей Аркадьевич Щелчков также подчеркивает это обстоятельство. «Его идеалами была либеральная демократия, дополненная принципами социальной справедливости, окруженная институтами солидарности, что сближало ее с социализмом, с новой еще находившейся в стадии осмысления и формирования доктриной... Эчеверриа отходил от доктринального либерализма, приближаясь к социалистическим идеям» [8, с. 77].

В социалистическом направлении мышления аргентинского философа обвинял еще его политический антагонист П. де Анхелис [9, р. 31]. Эчеверриа решительно протестовал: «Где, на каких страницах моей книги Вы могли найти следы доктрин Фурье, Сен-Симона, Консидерана и Анфантена? Почему Вы мне их не цитируете?» [2, pp. 284-285].

Национальное сознание у Эчеверриа неразрывно связано с социальным. На примере европейских событий (революция 1830 г. во Франции, рабочие выступления во Франции и Германии) он осознал, что пока бедные классы находятся в угнетенном состоянии, сложившейся нации не будет, что национальную проблему нельзя решить, не решая социальную. Национальное сознание предполагает, таким образом, социальный порядок как прочный фундамент, основу родины. В доктрине Эчеверриа родина означает свободу и братство в равенстве прав и обязанностей, но в соответствии со способностями каждого, поскольку никто не дает больше, чем имеет, и участвует только в том, что находится в пределах его способностей.

Эчеверриа понимал, что поскольку массы не располагают средствами для своего освобождения, правительство и общество обязаны сделать эти средства доступными для них и, прежде всего, содействовать развитию промышленности. Он видел ее несовершенство, но именно она могла и должна была стать источником силы и богатства нации. Для ее роста необходимо создание внутреннего рынка. Речь шла о замене ремесленной промышленности современной фабричной. Но для этого нужны были капиталы и рабочие руки. Ни тем, ни другим тогдашняя Аргентина не располагала. Но если отсутствовали необходимые элементы для становления фабричной промышленности, необходимо было заняться теми отраслями, которые все же имелись: развивать земледелие и скотоводство, исходя из местных условий и учитывая международное разделение труда.

Значило ли это, что страна была обречена заниматься только сельским хозяйством? Эчеверриа считал, что со временем, накопив капитал, «разбогатев на шкурах и зерне», можно будет заняться развитием других отраслей. А до этого необходимо было научиться извлекать выгоду «из наших плодородных и обширных земель», поскольку скотоводство продолжало оставаться скорее продуктом природы, чем человеческого труда. Прежде всего необходимо было заняться переработкой продуктов скотоводства, а не экспортировать их в сыром виде, чтобы потом получить их обратно обработанными, по цене в два-три раза

выше. Эчеверриа рассчитывал на постепенный рост промышленности по мере прогресса в сельскохозяйственных отраслях. «Прежде чем быть фабричной и торговой, страна должна стать аграрной, но не как сегодня, а расширив свою деятельность и товарооборот» [2, р. 214].

Мыслитель ратовал за активное участие государства в развитии национальной экономики в тех отраслях, где частный капитал не хотел или не мог этим заниматься. В то же время Эчеверриа выступал против ограниченной индивидуальной хозяйственной деятельности. Каждый человек может заниматься тем, что ему подходит, что выгодно, при условии, что это не нарушает права других. «Предоставлять привилегии, вводить ограничения, значит разрушать равенство и свободу, подавлять способности человека, нарушать его священные права и покушаться на самое священное из них — его частную деятельность» [2, р. 213]. Вместе с тем Эчеверриа считал необходимым защищать и стимулировать работу не имеющих собственности «трудолюбивых земледельцев» путем предоставления последним «участков пахотной земли и ферм», а также создания специального аграрного фонда для их поддержки [2, р. 216].

В неразрывной связи с этими предложениями Эчеверриа следует рассматривать и его проект налоговой реформы. Он выступал против таможенных пошлин как главного источника правительственных доходов не только по военно-политическим соображениям — «в случае блокады или войны с иностранной державой страна окажется неплатежеспособной» [2, р. 216], — но и по социальным. Эчеверриа считал косвенные налоги «не только ненадежными, но и чудовищно несправедливыми, потому что они падают на наиболее многочисленный слой потребителей, на бедных» [2, р. 216]. Вместо них он предлагал ввести поземельный налог. За этим предложением стояла целая экономическая концепция.

Эчеверриа был убежден в необходимости разработки подлинно аргентинской экономической науки. Что он имел в виду? Мыслитель не отрицал существования «политической экономии» как науки, изучающей производство, потребление и распределение богатства среди наций и подчиняющейся общим законам, носящим универсальный характер. Признавая эти общие законы, открытые и исследованные европейскими экономистами, Эчеверриа обращал внимание на то, что их нужно использовать, принимая во внимание местные условия, «нашу промышленность, наши средства производства... которые составляют нашу общественную жизнь» [2, р. 216]. Поэтому в каждой стране должны быть разработаны и приняты специфические законы, которые соответствовали бы условиям производства в конкретных условиях. «Чтобы работа была успешной, нужно чтобы она была в гармонии с этими законами» [2, р. 343].

Экономические законы необходимо открыть «путем наблюдения за местными делами... чтобы, основываясь на них, разработать истинную аргентинскую экономическую науку» [2, р. 218]. Эчеверриа придавал этому первостепенное значение. «Здесь кроется секрет превосходства и богатства великих промышленных наций и большая экономическая проблема, которую нам нужно решить, чтобы наше промышленное богатство могло быстро развиваться» [2, р. 343]. Эчеверриа предлагал начать разработку этой проблемы с аграрного сектора. Обосновывая свое предложение ввести по-

земельный налог, он обращал внимание на то, что «земельная собственность, на которой основывалась феодальная система, не имеет у нас такой же ценности и значения как в Европе». В отличие от Европы, в Аргентине «земля начала приобретать ценность совсем недавно по мере роста населения на наших полях и их обработки» [2, р. 218].

При установлении налога нельзя брать пример с Англии и Франции, где имеется как плодородная, так и неплодородная земля. «В нашей стране почти вся земля одинаково плодородна». Поэтому необходимо исходить не из плодородия земли, а из ее местоположения. Эчеверриа имел в виду, прежде всего, земли чакарерос (фермеров), «основная часть расходов которых приходится на транспорт» [2, р. 219]. Только так, по его убеждению, можно установить налог, основанный на подлинной стоимости земельной собственности. «У нас земельный налог является наиболее надежным, его легче всего установить и проще всего взимать. Это тот налог, который обеспечивает государство постоянным и твердым доходом» [2, р. 219]. Таким образом, под национальной политэкономией Эчеверриа имел в виду выработку национальной экономической стратегии, исходя из особенностей страны.

Размышляя о принципах, на которых должна строиться нация, аргентинский мыслитель обращался к центральной проблеме социальной философии — взаимоотношению личности и общества. Решить эту проблему он пытался через концепцию «Ассоциации». Влияние Сен-Симона и Мадзини сказалося при разработке теории ассоциации, которая в представлении Эчеверриа — компромисс между господством индивидуализма, «который нас погубил, и ростом общества, которое может поглотить индивида. Иначе говоря, сочетать между собой два элемента — общественный и личный, отечество и независимость граждан. На союзе и гарантии этих начал основываются все проблемы социальной науки» [1, с. 45].

Ассоциация, которую предлагал Эчеверриа, должна стать таким обществом, которое обеспечивает индивида средствами труда, что равнозначно «праву на труд», позднее провозглашенному февральской революцией 1848 г. во Франции, и одновременно представляет наибольший простор свободному и гармоничному развитию человеческих способностей. Концепция ассоциации неразрывно связана с принципами равенства и свободы. «Истинная Ассоциация, — писал Эчеверриа, — может существовать только среди равных» [1, с. 43].

Эчеверриа, как и Сен-Симон и Мадзини, считал, что для достижения совершенства общества «необходимо проповедовать братство, бескорыстие и взаимопожертвование среди его членов». «Необходимо стремиться к тому, чтобы все индивидуальные усилия не были изолированными и сосредоточенными на своих эгоистических интересах, а содействовали бы одновременно и сообща достижению единой цели — прогрессу и возвеличиванию нации» [1, с. 47]. По мнению Эчеверриа, это возможно только при условии создания новой философской и социально-политической доктрины.

Учение, которое должна проповедовать «Ассоциация», задумывалось как догма, оно с самого начала должно было стать одновременно «кредо, знаменем, программой» и средством пропаганды, понятной всем. «Оно создавалось не для докторов, которые все знают, а для народа» [2, р. 167]. Этой цели соответствовала «Социалистическая догма» (исходя из контек-

ста сочинений Эчеверрии слово «социалистический» являлось синонимом «общественный»), которая должна была «распространять здоровые принципы, добиться единообразия верований, ликвидировать анархию духа, обеспечить простор для распространения прогрессивных учений, убрать тревоги и волнения и удовлетворить наиболее жизненные потребности нашего общества» [1, с. 89]. Для Эчеверрии Ассоциация в своем первоначальном виде представляла собой будущее аргентинской нации. «Ее задача по существу организационная». Речь шла о создании нации на принципах равенства, свободы и братства людей [1, с. 48].

Разработка и распространение догмы, по мнению Эчеверрии, должны обеспечить моральное единство аргентинцев, под которым он понимал «единство веры». Символ догмы — родина — должен был стать общим для всех аргентинских патриотов. Но, чтобы существовала родина, одной лишь догмы недостаточно. Для ее существования необходимо понимание догмы. В противном случае, если даже свергнут Росаса, но не сформируется социальная организация, которая гарантирует и обеспечит господство этой догмы, «будет снова гражданская война и не будет родины» [2, р. 193]. Эчеверриа был убежден: чтобы создать аргентинскую нацию, нужно объединиться, а объединившись, «поднять родину до уровня свободной, независимой и могущественной нации» [1, с. 43]. Проповедуемые им идеи могли укрепиться в сознании масс не иначе как с помощью «просвещения и нравственности» [1, с. 85]. Религия дает массам духовное воспитание, а школа — знания.

Эчеверриа вслед за французскими философами и политэкономами Анри Сен-Симоном, Пьером Леру и Бартеlemi Проспером Анфантенем считал, что христианство должно превратиться в духовный принцип демократии. Для него религиозное чувство — это «наиболее могущественный двигатель, способный сделать моральными и цивилизованными наши массы». «Для вас, философов, возможно, достаточно философии, но народу, нашему народу, если вы уберете религию, что ему останется? Животный аппетит, страсти без сдерживающего начала, ничего, чтобы его утешило и стимулировало вести себя хорошо!» [2, р. 166]. В догме христианство провозглашается как религия демократии, в основе которой лежит независимость разума и свобода совести. Для достижения независимости разума и свободы совести необходимо было покончить с монополией католической церкви, установив четкую границу между светским и духовным в обществе в соответствии с двумя основополагающими принципами: принципом свободы совести, понимаемым как право индивида и неотделенным от свободы культов, понимаемым как право религиозной общины. Поэтому Эчеверриа отвергал государственную религию как несовместимую с принципом религиозной свободы и противоречащую ему.

Эчеверриа считал, что «воспитание масс должно быть систематическим». «Религия, воспитывая их морально, взрастит в их сердцах семена доброты. Начальное образование даст им возможность приобрести больше знаний и постигнуть в дальнейшем права и обязанности, которые на них налагает гражданство» [1, pp. 80-81]. Само воспитание философ понимал как процесс систематического и целенаправленного воздействия на развитие личности в целях подготовки ее к демократии. Этой задаче отвечал

написанный Эчеверрией для начальной школы «Учебник морального образования». В нем в ясной и доступной форме излагались основные нормы христианской морали, обязанности человека по отношению к самому себе, к ближнему, к семье, к родине; раскрывались смысл и значение Майской революции, а также сущность демократического триединства — свободы, равенства и братства.

Эчеверриа выступал за государственную монополию на образование. Государству вменялось в обязанность не дать образование только для образования, а дать его с целью прогресса и развития общества. «Образование без общественной цели, без нравственности и нравочений, далекое от того, чтобы быть полезным, может быть только вредным» [2, р. 402]. Необходимо создать класс свободных и обученных производителей. «Страна сейчас больше нуждается в обучении, чем в науке, больше в начальных школах, чем в университетах, больше в людях грамотных, чем в докторях, больше в честных и трудолюбивых гражданах, чем в военных и адвокатах!» [2, р. 154]. Аргентинский философ вновь и вновь утверждал, что страна станет свободной, когда твердой рукой освободиться от всех форм колониализма, «который усыпляет душу». Демократия, будучи самоуправлением народа, требует постоянной реализации всех способностей человека и не может укрепиться иначе как «с помощью просвещения и нравственности» [1, с. 83].

Подготовка народа к демократии не ограничивалась образованием и пропагандой. Необходимо было разработать адекватные принципы организации власти. Для Эчеверрии «источником любой демократической власти является голосование народа» [2, р. 171]. При этом, исходя из своей концепции суверенитета народа, зиждущегося на его коллективном разуме, мыслитель считал недопустимым немедленное введение всеобщего избирательного права в стране, где представительная система только начала формироваться. Подобные институты «нельзя создать в один миг, и одной лишь власти правительства недостаточно, чтобы они приобрели прочность» [2, р. 169]. Эчеверриа полагал необходимым ввести двух- или трехступенчатую систему выборов, при которой право избрания представителей в законодательный орган предоставляется только собственникам, а «пролетарии» участвуют в голосовании только в муниципальных округах. Постепенно, путем совершенствования демократических институтов, общество должно было бы прийти ко всеобщему избирательному праву [2, р. 172].

Концепция местного самоуправления — ключевое звено выдвинутой Эчеверрией программы организации страны на демократической основе. Именно в развитии муниципальной системы он видел путь к постепенной реализации идеала демократии как подлинного самоуправления народа. В сентябре 1846 г. Эчеверриа от имени «Майской ассоциации» писал губернаторам провинций Энтре-Риос и Корриентес, в которых справедливо видел силу, способную свергнуть Росаса: «Мы хотим организации демократии и как необходимой основы для этой организации — создания муниципальной системы в каждой провинции и по всей республике. Только таким образом можно претворить в жизнь идеи Майской революции... Муниципальная система — единствен-

ная, которая может обеспечить аргентинцам осуществление идей братства, равенства и мирное развитие страны по пути прогресса» [2, p. 272].

Эчеверриа рассматривал муниципалитеты как политическую школу для народа, считая, что каждый индивид может извлечь пользу от своего участия в них, и что в муниципальное сообщество, как в малую родину, должны войти гаучо. «Муниципалитеты нужны для развития общественного интереса и системы начального образования, для укрепления порядка и организации милиции, чтобы упростить сбор налогов, уравновесить силы различных партий, избежать массовых восстаний в провинциях и господства различных каудильо, чтобы развивать сельское хозяйство и всячески улучшать положение на местах, чтобы подготовить страну к стабильной организации» [2, pp. 302-303]. Столь многообразные функции местной представительной власти должны были заложить фундамент прочной федерации.

Поиски путей национальной организации социального переустройства страны привели Эчеверрию к идее создания истинной федерации, «которая есть не что иное, как федеративная организация провинций и республики» [2, p. 272]. Он мечтал о том времени, когда в муниципальных центрах сконцентрируется вся интеллектуальная, моральная и материальная жизнь общества, но будучи реалистом, считал, что это время настанет не раньше, чем «лет через 50» и что «создание и централизация общественной власти может стать результатом труда многих поколений» [2, p. 297].

Эстебан Эчеверриа не дожил меньше года до свержения Хусто Хосе Уркисой диктатуры Росаса и начала политических перемен в Аргентине. В 1851 г. в возрасте 46 лет он умер в изгнании в Монтевидео.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Эчеверриа Э. Социалистическое учение Майской Ассоциации. *Прогрессивные мыслители Латинской Америки*. М., Мысль, 1965, 432 с. [Echeverriya E'. Sotcialisticheskoe uchenie Maiskoi` Assotciatcii. *Progressivny`e my`sliteli Latinskoi` Ameriki* [The Socialist doctrine of Association of May]. *Progressive Thinkers of Latin America*. Moscow, Mysl', 1965, 432 p. (In Russ.).
2. Echeverria E. Obras completas. Buenos Aires, Antonio Zamora, 1951, 1053 p.
3. Очерки истории Аргентины. М., Соцэкгиз, 1961, 588 с. [Ocherki istorii Argentyiny` [Essays of History of Argentina]. Moscow, Socekiz, 1961, 588 p. (In Russ.).
4. Титов В.Ф. Марксистская философская мысль в Аргентине. М., Изд-во МГУ, 1981, 167 с. [Titov V.F. Marksistskaya filosofskaya my`sl` v Argentine [Marxist philosophical thought in Argentina]. Moscow, Izd-vo MGU, 1981, 167 p. (In Russ.).
5. Комаров К.В. Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины. М., Наука, 1988, 155 с. [Komarov K.V. Agrarny`i` vopros i voi`na za nezavisimost` Argentyiny` [Agrarian Problem and the War of Independence of Argentina]. Moscow, Nauka, 1988, 155 p. (In Russ.).
6. Шульговский А.Ф. Идеиные искания утопических социалистов Латинской Америки и проблема Испании. *Историческая судьба Латинской Америки. 500-летие открытия Нового Света*. М., 1992, сс. 141–149. [Shul`govskii` A.F. Idei`ny`e iskaniya utopicheskikh sotcialistov Latinskoi` Ameriki i problema Ispanii [Ideological research of Utopian Socialists of Latin America and the problem of Spain]. *Istoricheskaya sud`ba Latinskoi` Ameriki. 500-letie otkry`tiya Novogo Sveta*. Moscow, 1992, pp. 141–149 (In Russ.).
7. Макаревич М.Э. Общественно-политические взгляды Эстебана Эчеверриа. Автореферат канд. истор. наук. М., 1997 [Makarevich M.E`. Obshchestvenno-politicheskie vzgliady` E`stebana E`cheverrii [Social and political ideas of Estebane Echeverria]. Autothesis hist. science. Moscow, 1997 (In Russ.).

8. Щелчков А.А. Социальная утопия в Латинской Америке в XIX веке. М., Аквилон, 2016, 464 с. [Shchelchkov A.A. Sotcial'naya utopiya v Latinskoi` Amerike v XIX veke [Social utopia in Latin America XIX century. Moscow, Akvilon, 2016, 464 p.

9. Angelis de P. Archivo Americano y el espíritu de la prensa de mundo. Buenos Aires, Biblioteca Nacional, 2009, 448 p.

Vladimir P. Kazakov (nik3334@yandex.ru)

Doctor of History, Leading Researcher, Institute of World History Russian Academy of Sciences

Leninsky Prospect, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation

Esteban Echeverria: national identity and the search for social foundation of the Argentine nation

Abstract. This article analyses the views of Esteban Echeverria, the poet and political thinker, as also the leader of the "generation of 1837". According to Echeverria, the colonial structure was an obstacle to the progressive development of Argentina. It was heritage left by Spain in Argentinean economy, politics and culture. He proclaimed that the main cause of conservation of colonial heritage was that the May revolution had not been concluded. The May revolution conquered independence but not freedom, finally such circumstances caused anarchy, civil war and dictatorship of J.M. Rosas. The remedy proposed by Echeverria was the foundation of Association (the thinker took "Young Italy" as its model). Echeverria and his friends formed a society called Joven Argentina (Young Argentina) whose name was later changed to the "Asociación de Mayo" – and they also started propaganda of the ideas of the May revolution with a purpose to establish democracy not only as the political regime but also as the intellectual, moral and material movement of Argentinean society. All these ideas years later were edited by the title of "Dogma Socialista".

Key words: Echeverria, "generation 1837", Asociación de Mayo, Dogma socialista, Argentina democracy, May revolution, dictatorship of Rosas.

DOI: 10.31857/S0044748X0012280-7

Received 06.07.2020.